

18+

ЭРА ЭЛЬГО

ТАК

У МИРАЮТ

КОРОЛИ

I

Эра Эльто

Так умирают короли – I

«Издательские решения»

Эльто Э.

Так умирают короли – I / Э. Эльто — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510937-8

Светлый и Темный миры сосуществуют, переплетаясь, испокон веков. И если темные существа достоверно знают про существование людей и понимают глубинные смыслы происходящего, то люди этого знания лишены. И даже самые могущественные из них оказываются беззащитны перед лицом вечности. Эта книга перенесет нас в начало четырнадцатого века, во Францию. Падение ордена Тамплиеров, проклятие рода французских королей. Истинная история жизни и смерти короля Филиппа IV, которую он решился рассказать.

ISBN 978-5-00-510937-8

© Эльто Э.
© Издательские решения

Содержание

Список персонажей	6
Люди (художественные персонажи)	7
Темные существа	8
Исторические персонажи	9
Пролог	10
Король Филипп IV	10
Глава первая. Уж лучше бы смерть	13
Король Филипп IV	13
Глава вторая. Проклятый памятью	20
Доменик	20
Король Филипп IV	23
Шарлотта де Маре	25
Доменик	28
Глава третья. Темная жизнь	29
Доменик	29
Шарлотта де Ролье	31
Доменик	34
Шарлотта де Ролье	35
Глава четвертая. Природа отдыхает на детях	38
Юлиан	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Так умирают короли – I

Эра Эльто

© Эра Эльто, 2020

ISBN 978-5-0051-0937-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-0938-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Список персонажей

– король Франции, чья смерть окутана тайной и до сих пор обсуждается историками. Король, который не побоялся бросить вызов церковному ордену. Филипп опережал свое время, и большинство его реформ было принято негативно. При нем страна переживала тяжелый экономический кризис, который решался частично займами, частично конфискациями. Противоречивая и яркая личность, о значении поступков которой спорят до сих пор. А таинственная смерть и последующая гибель рода Капетингов при оставленных Филиппом трех наследниках заставляют историков вновь и вновь возвращаться в четырнадцатый век в попытке установить истину. **Филипп IV Красивый, Железный король**

– тот, кто пришел на смену Филиппу IV. **Доменик Незнакомец**

Люди (художественные персонажи)

, – единственная любовница короля. Родила ему сына. Отличается кротким нравом, красотой и абсолютной преданностью королю. По приказу короля вышла замуж за нелюбимого мужа, но обрела титул, состояние и возможность жить безмятежно. **Шарлотта де Маре баронесса де Ролье, графиня де Гресс**

– отец Шарлотты. Возвращен королем Филиппом из опалы в 1307 году. **Барон де Маре** французский дворянин, муж Шарлотты де Ролье, возвышен Филиппом и приближен к тайным поручениям. Занимался делом Тамплиеров. **Робер Барон де Ролье, граф де Гресс** –

Темные существа

фактический создатель и вдохновитель Тамплиеров, покровитель ордена и финансист. Ненавидит Филиппа за уничтожение ордена и казнь всех его членов. **Юлиан (также Гильом де Шарон, шевалье, граф де Бательер) (высший вампир)** —

тайное оружие Филиппа IV, его правая рука и верный помощник с тех пор, как молодой Филипп случайно спас ее и приютил. **Сет (также – Онелия) (темная эльфийка)** —

– один из древних Незнакомцев, известен своим талантом к темной медицине. Опасное, но справедливое существо, к которому прислушиваются. **Ролан (Незнакомец)**

представитель Ордена Темной Змеи, контролирующего все, что касается темного мира. В этой истории сыграл неосторожную роль того, кто дал Юлиану добро на все. **Амирхан (высший вампир; старший каратель)** –

Негласный правитель Шампани до смерти Филиппа IV, часто влиял на решение шампанских графов. Владел крупнейшим производством шампанского в регионе. Сменил несколько десятков светлых жизней сначала при дворе Карла Великого и его потомков, потом в Шампани. **Адриан, граф д’Эперне (темный эльф).**

таинственная женщина, чьи советы, случайные фразы, оставленные письма направляли персонажей этой истории. **Лейла (предположительно, высший вампир)** –

(светлая эльфийка) – «ведьма» из Журви. **Вдова Фуссе**

– дочь вдовы Фуссе, жертва Незнакомца Доменика. **Жанетта**

Исторические персонажи

– последний магистр Ордена Тамплиеров, сожженный на костре по приказу Филиппа IV.

Жак де Моле

– советник Филиппа IV. Камергер, коадьютор, правитель королевства, распорядитель и смотритель Лувра. Казнен 30 апреля 1315 года по приказу сына Филиппа, Людовика Сварливого.

Ангерран де Мариньи

– граф де Валуа с 1286 года. Брат короля Франции Филиппа IV Красивого. Всю жизнь мечтал о власти. Не мог потягаться с братом, но при правлении его сына Людовика X Сварливого стал одной из ключевых политических фигур Франции, но в этой истории особой роли не сыграл.

Карл де Валуа

– камердинер короля **Борвилль**

один из немногих верных слуг короля. **Гийом де Ногаре** –

средний сын короля Филиппа IV, единственный, кто унаследовал его таланты, но, увы, не унаследовал его здоровье. **Филипп V Длинный** –

– старший сын короля Филиппа IV, за чрезвычайно короткий период правления умудрился уничтожить почти все, что строил отец, отца ненавидел и боялся, попал под влияние Карла Валуа. Был отравлен. **Людовик X Сварливый**

. Как всегда в таких историях, их брак начинался счастливо, а закончился смертью. Переживал ли король? Кто знает. Но Юлиан очень хотел, чтобы тот переживал. **Королева Жанна (жена Филиппа IV)**

Пролог

Король Филипп IV

Ночь с 28 на 29 ноября 1314

Королевская опочивальня, Фонтенбло

Французское королевство

Филипп IV Красивый, молчаливый и железный король, смотрел в потолок. Он не мог шевелиться, не мог уснуть, и поэтому думал. Сегодня в воспоминания вернулся образ сторевшего под крики толпы Жака де Моле и его странное проклятие, так неожиданно коснувшееся самого короля. Еще молодой, полный сил и планов весной, сейчас он лежал в своей спальне в Фонтенбло, чувствуя приближение смерти. Ему уже не хотелось высмеивать слова умирающего магистра, а уверенность в том, что они – лишь болезненный бред, вызванный пыткой пламенем, таяла. Он охотился с тех времен, когда еще не мог говорить. И держался в седле лучше всех в королевстве. Но умудрился свалиться с лошади!..¹

Что-то его отвлекло. Что-то темное, непонятное. Король не мог вспомнить, что именно. И вот двадцать пять дней он лежит в своей постели в покоях, где когда-то родился, и ждет смерти. С мыслью о том, что он еще столько всего мог сделать. Он еще полон сил. Ему нет и пятидесяти. Он двадцать девять лет правит этой страной и сумел перевернуть закостенелые устои общества. Франция стала сильнее. Ее территории – обширнее. Казна разрослась несмотря на ошибки и рискованные решения, на фальшивые монеты, появление которых он допустил. Он почти смог исправить свои ошибки.

У него трое взрослых сыновей. И вряд ли династия будет уничтожена с его гибелью – слова магистра не найдут подтверждения. И все же что-то беспокоило короля. Загадочная цепь случайностей, которая привела его сюда.

Филипп с трудом закрыл глаза. Он плохо спал в последнее время. Тело отказывалось подчиняться. А голова присылала ненужные видения. Лица детей. Умершей жены. Любимой, но далекой женщины, чье имя сохранил в тайне от всех. Как она там? Он не видел ее целый месяц. И понимал – никто не разрешит графине войти в королевскую опочивальню, когда король умирает. Жаль, что нельзя призвать ее к себе. Это стало бы позором. Не для него. А для страны, для графини, для ее детей.

Мысль перескочила, пронзив лоб и затылок острой болью.

Тамплиеры. Орден уничтожен. Ему удалось добиться ареста большинства рыцарей. И каждого из них ждал костер. Святая Инквизиция беспощадно истребляла еретиков. И предателей не обошло безжалостное пламя. Филипп получил огромные контрибуции. Он поправил экономику. Он избавился от слишком влиятельного ордена. И, разумеется, он тронул чье-то гнездо. Пока непонятно, чье. Чудовищная гидра лишилась голов. Но всех ли? Где гарантия, что после смерти Жака де Моле не объявится кто-то еще, под чьей властью тамплиеры возродятся в новом, еще более уродливом облике?

Голову короля снова пронзила сокрушительная боль. Он не мог позволить себе застонать, лишь сжал зубы. Скоро все кончится. Он не скажет этого вслух – не покажет ничем, ни взглядом, ни словом, но он искренне ждет конца. Боль измучила. Невозможность что-то делать обессилила. Филипп понимал, что дни его сочтены, и надеялся, что счет им краток. Он не смел молиться и не видел в этом смысла. Поэтому рассматривал потолок.

¹ Жак де Молé (16 марта 1244 – 18 марта 1314) – двадцать третий и последний Магистр ордена Тамплиеров.

– Так умирают короли, – произнес над его ухом смутно знакомый голос.

Взгляд Филиппа остановился на темной фигуре. Фигура вышла из тени и встала в изножье кровати. Мужчина в плаще, под которым не видно оружия. Он не был приближенным короля. Филипп хотел задать вопрос, но не посчитал нужным открывать рот – всем своим телом, измученным и почти уже мертвым, он ощущал угрозу, исходившую от застывшей у его ног мрачной тени. Угрозу, смутную и непонятную, но слишком похожую на то, что спровоцировало падение с любимой лошади.

– Короли умирают в одиночестве. Наедине со своей болью и своими ошибками. Ты расплачиваешься за ошибки, король. И ты не сможешь ничего изменить. Ни своей властью, ни своим богатством – ты бессилен пред ликом высших сил. Сил, которые тебе недоступны.

Филипп молчал.

– Не зря тебя называют Молчаливым, мой король, – продолжил мужчина, не дождавшись реакции. – Не зря тебя называют Железным. Ты и сейчас сохраняешь бесстрастность. А ведь я чувствую, что ты из последних сил держишься, чтобы не завопить от боли, как последний крестьянин.

Филипп молчал.

Фигура приблизилась. Король убедился в том, что где-то видел этого человека. Хотя в предрассветный час он был готов поверить в то, что это не человек. Слишком красноречив был отблеск пламени камина в его глазах.

– Я долго ждал. Ждал, пока силы оставят тебя. Пока ты не сможешь позвать стражу, чтобы нам помешали. Я долго ждал, чтобы поговорить с тобой. Так странно, король, ты всего лишь человек. И какой огромной разрушительной силой ты обладаешь. За семь лет ты смог уничтожить то, что могло поглотить тебя. Величайший в истории орден. Твои руки по локоть в крови. Ты весь в крови. Но не всем твоим планам суждено осуществиться.

Король молчал.

Неожиданный собеседник вызвал слабый интерес. Все силы тратились на то, чтобы складывать слова, произносимые гостем, в предложения, и осознавать смысл, который они в себе несли. Филиппу казалось, что с ним говорили из другого крыла замка. Он плохо слышал. Зрение тоже начало отказывать. Рассудок затуманился. Все вокруг поплыло. Тьма.

Он пришел в себя, почувствовав на губах привкус чего-то соленого и теплого.

– Так просто ты не умрешь. Я хочу договорить. А потом... а потом посмотрим. Меня зовут Гильом де Шарон.

Помощник магистра. Сейчас ему, должно быть, чуть за тридцать. Молокосос! Вступил в орден десять лет назад. И с тех пор славился как один из самых верных де Моле людей. И как его оставили в живых? Король помнил, что отдавал особый приказ о взятии и сожжении де Шарона. Независимо от того, каким способом придется вырывать признание. И ему донесли о том, что приказ выполнен. Заговор? Или страх перед гневом августейшей особы? Де Шарон исчез вместе с орденом – Филиппу не докладывали о его деятельности.

Взгляд странных темных глаз короля остановился на лице гостя. И любой сбежал бы, но этот даже не дрогнул. Гильом сделал еще шаг. Теперь факелы освещали его лицо. Хищное лицо. Крючковатый нос, тонкие губы и очень холодный темный взгляд. Если бы Филипп еще верил в Бога, он бы решил, что перед ним стоит ангел смерти. Или сам сатана.

И, возможно, от истины оказался бы недалек.

Король облизнул губы. Ощущение чего-то лишнего раздражало. А поднять руку он не мог.

– Ты думаешь, обладаешь властью над этим миром? Ты – король, Филипп. Ты король, который будет славен в глазах потомков. Но никто и никогда не узнает, что с тобой случилось. Я могу убить тебя. Но тем самым лишь избавлю от страданий, – Гильом наклонился. – Поэтому

я тебя не убью. Жак де Моле горел заживо. Ты позаботился о том, чтобы он был в сознании и чувствовал все. Я хочу, чтобы ты пережил его боль.

– Разве вы властны над жизнью и смертью, Гильом де Шарон, чтобы угрожать своему королю, стоя у его смертного одра?

Филипп вложил в эту фразу все оставшиеся силы и смежил веки, чтобы скрыть свою боль. Она пронзала все конечности. Она искажала восприятие. Она затуманила зрение и приглушила слух. Но она не помешает закончить этот разговор достойно. Угрозы де Шарона пусты. Ни один человек не в силах сделать то, о чем он говорит.

– «Своему королю»? Тебе недолго осталось быть моим королем. А насчет твоего вопроса... Ты удивишься, Филипп. Ведь ты ничего не знаешь об этом мире. И о другом. Более могущественном, чем этот. Ты уничтожил мой орден из-за денег. Ты наводнил страну фальшивыми монетами. Ты алчный старик, который взял слишком много на себя. Ты надеешься, что умрешь, и все закончится? Поверь мне – все только начинается.

– Я не верю в загробную жизнь, сударь. Вы зря тратите время, пугая меня.

– А кто говорит о жизни загробной? Я пришел, чтобы в последний раз посмотреть на короля Филиппа IV Красивого, Железного короля Франции, короля Наварры из династии Капетингов. Потому что, как бы ни закончилась эта ночь, завтра его не будет. Потому что, как бы ни закончилась эта ночь, завтра его ждет новая жизнь. Ты будешь молить о смерти, Филипп. А она не придет. Она никогда к тебе не придет. Моле не встретит тебя в Аду. Но ты станешь свидетелем того, как твоя династия умирает. Как умирают твои дети. Как Франция разваливается на части без сильного властителя. Я многое вижу. И – может быть – я что-то тебе расскажу. А пока... Король умер? Страна должна почтить его память.

Глава первая. Уж лучше бы смерть

Король Филипп IV

*Собор Сен-Дени, Франция, Париж
Декабрь 1314 года*

Наверное, камердинер снова забыл открыть окно в королевской опочивальне. Ничем другим Филипп не мог объяснить невыносимую головную боль, завладевшую им, стоило прийти в себя. Сознание мутилось подобно старому пруду, у которого король некогда выстроил охотничий домик. Пруд был маленьким, его воды легко теряли прозрачность, щедро удобренные опадавшей листвой. И вот сейчас его мысли запорошили необъяснимые вспышки в висках, в груди. Кажется, во всем теле.

Боже.

Филипп попытался открыть глаза. Попытка провалилась, не устояв на шатком плато – он был обессилен. Слабыми вспышками перед глазами снова пронесли воспоминания: падение с лошади, длительная болезнь, разговор на смертном одре. Мгновение за мгновением он восстанавливал память, чувствуя, как вместе с собранными фрагментами самого важного из существующих витража он терял ощущение реальности происходящего. Кто-то играл с ним, как мудрец со змеей, как ребенок с собакой. Король отчетливо помнил величественные своды Сен-Дени. Его положили меж отцом и матерью.

С ним простились.

Его похоронили.

Эта мысль заставила подскочить. Филипп открыл глаза и огляделся.

Он находился в небольшом помещении, напоминавшем скорее келью, чем гроб. Может, это был сон, вызванный лихорадкой, и сейчас все хорошо? Он упал на жалкое подобие подстилки. Сил не было. Было больно даже дышать.

Филипп с трудом поднял руку и прикоснулся к лицу. Он давно не брился – борода отросла. А волосы нет. Сколько прошло времени? Неделя? Правой рукой король ощупал пространство вокруг себя. Он лежал на каменном полу, на грубо сплетенном холсте, который при всем желании невозможно было перепутать с королевской периной. На нем самом – обрывки некогда идеально сшитой рубашки, узкие порванные штаны. Одежда, судя по всему, тоже не менялась несколько дней. Филипп не чувствовал запахов. Он вообще ничего, кроме боли и слабо стучавшегося в сознание холода, почувствовать не мог.

Де Шарон исполнил угрозу? Оставил его умирать заживо в келье монастыря? Вот обрадуются монахи такому гостю. Или это все – лихорадка? Но нет. Филипп коснулся лба. Ледяной. Сухой. В голове предательски прояснилось. Боль подобно горнилу выплавляла мысль – это не сон, не лихорадка и не мираж.

Он вернулся к понедельнику, 4-го декабря, когда Франция простилась со своим королем. Когда так удачно проснувшийся слух о проклятии Магистра тамплиеров обрел новую жизнь. Когда наследник, его сын, лишь на миг, но задумался о черной череде случайностей. Глупец. Король не должен позволять себе сомневаться, он не имеет права на страх. Дрогнул король – рухнуло государство. И не закрепить былых побед. Не отвоевать Фландрию. Не обогатить казну.

Филипп, не открывая глаз, попытался сесть. Он с трудом смог приподняться и прислониться спиной к холодному камню стены. Голова закружилась, к горлу подкатил вязкий комок. Странно, но он совершенно не хотел есть. Весь его мир замкнулся на застоявшемся, затхлом

воздухе, мгле и тиши древнего собора. А когда-то он искренне восхищался красотой сооружения. И радовался принятому его предком решению перенести сюда все королевские усыпальницы. Он легко воспринимал тот факт, что и сам рано или поздно окажется здесь, среди родственников, среди прошлого, в ожидании чужого будущего. Но не мог предположить, что при этом сохранит способность мыслить. И сохранит жизнь. Хотя жизнь ли это? Он пошел против церкви. Может, это наказание?

Филипп усмехнулся. Эта усмешка, столь неуместная сейчас, разогнала боль. Он смог открыть глаза. Слабый луч света проникал в темницу. И теперь стало ясно, что он действительно в келье. Что чутье не подвело, и это действительно Сен-Дени – Филипп узнавал подобие барельефов на стенах.

И как объяснить тот факт, что...

– А ты силен.

Знакомый голос стер усмешку с лица короля. Он повернул голову в бессмысленной попытке увидеть говорившего. Келья оставалась такой же темной и пустой. Только в углу напротив, казалось, сама тьма стучалась, не принимая ничьих очертаний, но становясь непроглядной, как сама смерть.

– Пара дней на то, чтобы очнуться. Несколько минут на то, чтобы все вспомнить. Право, королевская воля действительно сильнее любой другой.

Филипп молчал.

– Тебе не обязательно держать лицо. В памяти людей ты навсегда останешься Филиппом IV Красивым. Но не волнуйся, скоро я дам тебе другое имя.

Филипп молчал.

Он смежил веки – тьма в углу постепенно краснела, а королю не хотелось превращаться в ребенка и начинать верить в чудищ. Голос – игра воображения. Или человек за стеной. Каких чудес только ни бывает в древних соборах. Может, и келья на самом деле не просто келья.

– О, нет, Филипп. Я настолько же реален, насколько и нет. Посмотри на меня.

Король повиновался. Что-то в этом изменившемся голосе заставило его открыть глаза и снова посмотреть в угол, который больше не пустовал.

– Де Шарон.

– Какой величавый тон. Я думал, ты потеряешь способность говорить так четко и спокойно. Я почти расстроен. Ты, верно, голоден?

– Оставь меня, – ответил Филипп, в это мгновение почувствовав зверский голод.

– О нет. Несчастный магистр тоже молил о быстрой смерти. А что ты сделал? Я обещал тебе, Филипп. Не только королевская воля должна быть твердой. Но и обещание дворянина. Особенно обещание темного существа.

– Чье?

– Вопросы потом.

Полностью воплотившись из тьмы, де Шарон встал на ноги. Он был облачен в черную мантию, не похожую ни на одну из тех, что Филиппу приходилось видеть. И само лицо не походило ни на одно из знакомых, хотя и сохранило черты Гильома де Шарона. Это лицо было прекрасно и ужасно, как грех. Совершенные, высеченные будто в мраморе черты, прямой, жесткий и колючий взгляд черно-красных глаз. Кто-то добавил красок. Кто-то добавил изящества. Это был де Шарон, но другой, преобразившийся.

– Ты поешь, – продолжил гость. – А потом, так уж и быть, я покажу тебе место последнего приюта короля Филиппа. И ты простишься с ним. Впереди тебя ждут века сожалений и мук.

Филипп молчал.

Его действительно положили меж матерью Изабеллой и отцом Филиппом. Его действительно похоронили в огромном каменном гробу, обитом свинцом изнутри. Вместе с ним –

стержень с позолоченными листьями и разукрашенными птицами. Корона. Золотой перстень. Пока еще нет надгробия. Возможно, кто-то из потомков прикажет высечь его, увековечив образ короля в истории. Де Шарон стоял рядом, небрежно облокотившись о последнее пристанище короля. Филипп молчал, восхищенный и испуганный открывшимся видом. Он не мог понять. Не мог понять этого раздвоения – он видел себя, лежащего в каменном мешке, выложенном изнутри свинцом. Гильом открыл гробницу легко, продемонстрировав силу, о природе которой король думать был не в состоянии. То, что испытал Филипп, увидев самого себя в саване, с погребальными украшениями, нельзя описать словами. Он стоял, прикасаясь кончиками пальцев к белому камню, смотрел в мертвое, холодное лицо и не верил. Де Шарон закрыл гробницу с помощью железных прутьев – неясно, зачем их использовали при захоронении. Раньше такого не было.

– Кто знает, сир, может, кого-то пугает ваше возможное возвращение, – прокомментировал мучитель свои действия, одновременно отвечая на мысли Филиппа. – Обычного камня и свинца недостаточно. Закрыть гробницу металлом... Как древнее чудовище, как древнее проклятие. Или это жест особого уважения?

– Не знаю. – Филипп положил руку на камень. – Я не понимаю.

– О, – каркнул де Шарон. – Ты обязательно поймешь. И намного быстрее, чем думаешь. Обещаю.

Филипп замер, смотря в узкое окошко, расположенное под потолком его пристанища. Его мучал зверский голод, он почти забыл о том, кем когда-то был, потерял счет дням, хотя точно знал – со дня его «смерти» не прошло и трех недель. Иногда де Шарон приносил ему еду. Король не ощущал ее вкуса. Он ел, потому что внутреннее желание жить оставалось сильнее объективного стремления к настоящей смерти. Он по-прежнему не понимал, как Гильому удалось воплотить в жизнь свою сумасшедшую задумку. Он не понимал, что есть такое этот приспешник проклятого де Моле, но каждый раз в присутствии мучителя ловил сбивающие с ног потоки силы. Видимо, раньше ее скрывали. А теперь... маски сорваны.

Филипп с удивлением ощущал, что силы полностью вернулись к нему. Боли остались – и он был убежден, что в их присутствии виновен де Шарон. Король примирился с болями. Примирился и с теснотой. Если он и покидал очередное место заточения, то только для того, чтобы попасть в новое. Или посмотреть на то, на что, по мнению мучителя, ему действительно стоит посмотреть. Посмотреть на заточенных невесток, без достоинства несущих наказание за дело Нельской башни. Посмотреть на Людовика, сына, короля, пока что не коронованного, но уже свикшегося с мыслью о новом положении. На Людовика, который, даже став королем, не смог разорвать брака с Маргаритой, пусть и осужденной и заточенной, и вынужден ждать. Посмотреть на Париж, изменившийся в годы правления Филиппа. Посмотреть на то, что трещит по швам.^{2 3}

– Я накажу тебя памятью, – как-то задумчиво говорил Шарон, стоя на самой вершине башни-донжона в Венсене. Филипп не хотел вспоминать о том, как они там оказались, но совершенно не страшился высоты. Он перестал бояться смерти. И почти ждал, когда за ним придут, чтобы показать что-то еще, способное разбить ему сердце. Если бы оно было.

– Я накажу тебя памятью, – повторил тогда тамплиер, глядя ему в глаза своим темным, нечеловеческим взглядом. – Гляди. Эту башню выстроили по твоему приказу. Она простоит в веках. Останется мрачным напоминанием.

² Дело весны 1314, получившее название по месту преступления. Вскрывает супружеские измены жены наследника престола принца Людовика Сварливого Маргариты Бургундской, и супруг его младших братьев Филиппа и Карла Жанны и Бланки Бургундских.

³ Маргарита Бургундская, узница Шато-Гайяра. Первая жена короля Людовика X Сварливого. Заточена в замок в результате дела о Нельской башне.

– Здесь умерла моя жена.

Глаза де Шарона сверкнули.

– О да. Именно здесь.

Луна выглянула из-за туч. Король не чувствовал холода в своей темнице. И сейчас, вспоминая эти минуты, проведенные в Венсене, почти скучал по промозглости ночного декабрьского воздуха. Де Шарон не зря привел его в Венсен. В то место, где была убита Жанна. Его Жанна, в первые годы брака, любимая и нежная, по-своему дорогая ему женщина.

Филипп закрыл глаза в бессильной попытке спрятаться от мира. Жанна умерла в одну ночь. Ему сказали, родами. Король не верил. И в разбирательства, связанные с заговором против его жены, не вмешивался более, чем того требовали законы чести. Он привык прятать эмоции, держать лицо на людях, и смог создать иллюзию слепой влюбленности. При дворе догадывались, что в королевской семье не все гладко, но не находили подтверждения ни в словах, ни в жестах монарха. Он не хотел более о ней вспоминать. Не хотел думать о том, что невестки, устроившие бордель в Нельской башне, всего лишь пошли по стопам королевы. На что только ни способна брошенная женщина!

Король сжал виски тонкими пальцами. Сердце пронзила боль. Не боль обиды, не боль обманутой любви, но боль, которую чувствуют вместе с яростью, безотчетной и жестокой. Он мог бы убить ее сам. Мог бы приказать ее отравить. Но кто-то опередил. Жанна сгорела одним днем, болезнь забрала ее. Филипп проститься не пришел. Но, верный долгу, проводил ее в последний путь, пройдя вместе с процессией, даже встав на колени. Хлеба и зрелищ, говорите? Лучшее зрелище – не кровь. Лучшее зрелище – подлинное страдание августейшей особы. Даже если на самом деле оно лишь умело вылепленная маска.

Филипп горько усмехнулся. Де Шарон думал, что, приведя его в Венсен, вызовет новый поток страшных воспоминаний. Но нет. Он лишь озлобил своего узника, придал ему сил.

Разозлился и бросил обратно в темницу. Его не было второй день. Может, так и все закончится? Взбешенный неудачей, де Шарон оставит бессмысленную затею уничтожить Филиппа воспоминаниями, и тот сможет спокойно умереть?

Король встал и прикоснулся пальцами к влажному камню стены. Голова не кружилась, ему хотелось движения. Он ощущал какое-то животное стремление к движению!

Тень на мгновение закрыла луну, затопив помещение непроглядной мглой. Дверь распахнулась. Де Шарон стоял на пороге, кутаясь в просторный плащ.

– Обычно, – вместо приветствия начал он, – в моем присутствии люди сходят с ума. Их страшит сама мысль о том, что нам снова придется встретиться. Но ты не испугался. Не испугался тогда, когда умирал. Я вылечил тебя. Ты не боишься и новой жизни. Ты испытал лишь легкое удивление, увидев самого себя в гробу.

Филипп вздрогнул, но промолчал.

– Ты и сейчас невозмутим. Опомнись. Ты всего лишь человек! И даже уже не король. Или король без королевства!

– Что ты хочешь?

– Мести! Ты уничтожил мое детище. Ты уничтожил тамплиеров.

– Раз ты настолько всемогущ, что законы природы и человечества тебе не писаны, почему не остановил меня? – Филипп прислонился к стене спиной и сложил руки на груди. Он сам не отдавал себе отчет, насколько независимо и гордо смотрит в эти минуты. В рваной одежде, немый, волосы взлохмачены, щетина постепенно превращается в бороду. Но королевская осанка и королевский взгляд. О, если бы он мог знать, что его глаза – неподвижные темные глаза обыкновенного человека – заставляют молчать даже такое существо, как де Шарон. Де Шарон, в действительности названный совсем другим именем, жившим многие эпохи, создававшим орден, под разными лицами знакомый с каждым из магистров. Филипп ничего не знал о сущности де Шарона, но чувствовал ее каждым членом своего помолодевшего тела.

– Мог ли я, бессмертное существо, о котором ты даже не слышал, предположить, что человек способен стереть в порошок многовековую историю?! – вскричал де Шарон.

– ... Бессмертное существо, – Филипп покачал головой. – Чудеса только начинаются. Ты говоришь о мести, но, кажется, продлил мне жизнь. Хотя до этого зачем-то попытался ее забрать.

– Мне не нужна твоя жизнь, человек. Мне нужны твои чувства. Я знаю, что они есть даже у Железного короля.

Филипп изогнул бровь, но промолчал. У Железного короля они были. А осталось ли что-то в нем самом?

– Ты любишь свою страну. Ты столько сделал для нее. Я хочу посмотреть, что с тобой станет, когда все рухнет. Когда твои мечты об абсолютной монархии разлетятся в труху. Когда твои потомки и потомки потомков растеряют остатки созданного тобой величия. Когда Франция потеряет земли, когда под угрозой будет сама ее целостность...

– Ты бредишь.

– ... даже если на это понадобятся века, – закончил фразу Гильом и взглянул королю в глаза.

Филипп замер. Кажется, даже забыл, что нужно дышать.

Де Шарон приблизился. Он выпрямился, оказавшись одного роста с королем. Расправил плечи. Сложил руки на груди и улыбнулся.

– Обычно это считается подарком. Шутка ли, в вашем распоряжении сорок, ну пятьдесят лет. А тут – века. Что ты сделал бы с бессмертием, Филипп?

Тот поморщился. По имени его называла только та, воспоминания о которой он не хотел марать действительностью, и поэтому их не призывал.

– Я не верю в бессмертие, де Шарон.

– А это неважно. Разве для месяца есть разница, верят в него или нет, видят его или нет. – Де Шарон остановился на расстоянии вытянутой руки. Королю показалось, что от него веет холодом. – Открыть свое имя... Подарить тебе бессмертие. И заставить наблюдать. Тогда мы будем почти на равных. А это уже благородно...

– Я все еще здесь.

– Да... Да... Значит, Фонтенбло?

Филипп не ответил.

– Человечество настолько самоуверенно потерялось в религиях и деньгах, что перестало наблюдать. Смотри на меня, человеческий король. Ты знаешь шевалье де Шарона, верного слугу и друга магистра де Моле. Но ты не знаком с Юлианом, который отбирал каждого из магистров ордена Тамплиеров и вел их. Легенды и сказки о вампирах канули в лету – многие из нас научились жить под солнцем, прекрасно мирятся с серебром, чесноком и прочими странными атрибутами, которые придумали люди. Мы используем ваш страх, чтобы оставаться в тени. Мы часть – вашего мира, но полностью принадлежим своему. И по большому счету нам плевать на ваши жалкие попытки все перевернуть. За каждым сильным правителем стоит темное существо. Откуда, ты думаешь, у Ангеррана де Мариньи такой талант финансиста? Он полукровка – темный эльф. Хотя по внешности и не скажешь. А твоя помощница Сет? Милая Онелия – она темная эльфийка. И ее род восходит корнями к потомкам властителей, пред ликом которых Капетинги не смеют называться королевским родом. Но! Не горячись, я вижу по глазам твое желание защитить династию. Король без королевства и без жизни, ты до сих пор печешься о глупейших вопросах якобы чести якобы светлых имен. Ты перешел черту. Убить тебя было бы просто. Хотя, признаюсь, – Юлиан наклонил голову, позволив прядям иссиня-

черных длинных волос упасть на лицо. Сверкнул белозубой улыбкой. – Такая мысль у меня была. Была до тех пор, пока я не пришел к тебе. Ты же помнишь ночь своей смерти? ⁴

Филипп молчал.

– В тебе не было страха. Убивать неинтересно, если человек не боится. Хотя, признаюсь, я бы попробовал королевской крови снова.

– Снова?

Красно-черные глаза сверкнули.

– Ты же не веришь в то, что королеву отравили или в то, что она умерла родами? Право, не злись. Я заметил, что тебе плевать на ее смерть. Вопреки тому, что ты показывал толпе.

На этот раз король улыбнулся. Он улыбнулся той ужасной, пронзительной улыбкой, которая озаряет лицо, делая его мрачным и злым. Вкупе с неподвижными темными глазами эта улыбка придавала ему совершенно демонический облик.

– Ты не властен над своей судьбой, Филипп. Эта ночь перечеркнет всю твою слишком деятельную натуру. Королевское существование останется позади. У тебя не будет шанса сбежать, показать кому-то, что ты жив, исправить то, что натворит твой сынок. А он натворит. Знаешь, каким был его первый приказ? Новый брак! Помнишь принцессу Анжу-Венгерскую? – Юлиан жестко рассмеялся, заметив, что Филипп чуть заметно побледнел. – Твой любезный братец Валуа удачно подсадил Людовику мысль о благочестивой принцессе. А после распутницы Маргариты, столь жестоко обреченной тобой на заточение в Шато-Гайяре, любая покажется примером благочестия. Валуа укрепляет свое положение. Думаю, звезде Мариньи недолго осталось. ^{5 6}

Юлиан перевел дыхание, утомленный монологом.

Король молчал, пытаясь уложить в картине мира происходящее. Несколько дней. Всего лишь несколько дней понадобилось на то, чтобы Людовик сломал самую основу правления. Мелочный сварливый сын никогда не доверял Мариньи. Он сторонился человека, поднявшегося из самой грязи. Шутка ли! Бывший конюший управляет королевством. Но Филипп никогда не позволял условностям решать за него. Анггеран де Мариньи гениально справлялся со своими обязанностями. Он верен не столько королю, сколько Франции, с которой уже не может себя разделить. А Валуа... Его Высочество нашло способ воздействовать на молодого короля. Да. У Мариньи нет шансов. Он или наделает ошибок – и попадет в опалу. Или Валуа с привычной методичностью старого интригана уничтожит его, отбирая власть по крупицам. Сейчас он еще на коне, хотя Людовик и назначил комиссию, которой предстояло перепроверить все траты и все подписанные мессиром де Мариньи договоры. Смешные, они пытаются обвинить в измене наипреданнейшего государству подданного. Мариньи обязательно выпутается. Но сколько он сможет продержаться без Филиппа? Король прикрыл глаза, представляя себе первый совет. Людовик составил его из новых членов, беспардонно выбросив тех, кто служил Железному Королю. Людовик во всем слушал своего дядюшку и, скорее всего, помешался на благочестивой принцессе. Говорят, Клеменция хороша собой. Говорят, она даже прелестна. Ах, если бы была возможность вернуться! Сбежать от мучителя, объявить, что он жив и здоров... И спасти то, во что он вкладывался всю жизнь.

– Тебе никто не поверит, – прервал поток мыслей Юлиан, внимательно следивший за мельчайшими движениями мысли на лице короля. И изменившимся, повелительным тоном добавил: – Посмотри на меня.

⁴ Анггеран де Мариньи – советник Филиппа IV. Камергер, коадьютор, правитель королевства, распорядитель и смотритель Лувра.

⁵ Клеменция Венгерская, королева Франции и Наварры. Вторая жена короля Людовика X Сварливого.

⁶ Юлиан имеет в виду брата короля Филиппа, Карла де Валуа.

Филипп поднял глаза и замер. Юлиан говорил голосом де Шарона, но имел теперь совершенно другую внешность. Стал выше, черты лица изменились, преобразились, в них появилась странная смесь почти королевского величия и животной жестокости.

– Внешность – иллюзия. Вскоре ты поймешь, что все здесь, – Юлиан приложил указательный палец к виску. – И здесь. – Положил ладонь на сердце. – Филипп IV Красивый, Железный Король, Фальшивомонетчик, навсегда останется в прошлом. Ты больше не поговоришь со своими детьми как отец. У тебя не будет возможности прижать к груди и повидаться с тем, чье существование ты так тщательно скрываешь. *ee*

Король снова побледнел. На этот раз сильнее. Гильом сбросил плащ на пол.

– Моей власти достаточно, чтобы в эти покои никто не вошел. Ты слышишь гул дворца? Ты помнишь, еще месяц назад ты был здесь, и тебя называли королем. Здесь закончилась твоя прошлая жизнь. Здесь же начнется новая.

– Хватит слов. Я понял. – Короткий, присущий Железному королю жест. – Делай, что собирался.

Юлиан расхохотался.

– Тебе не удастся испортить мне вечер. Жанну нельзя было назвать сладкой – ее образ жизни испортил удовольствие.

– Уж не съест ли ты меня собрался? Как-то не вяжется с перечисленными угрозами, – через силу усмехнулся Филипп.

Юлиан посерьезнел. Его взгляд изменился. Лицо превратилось в маску. Мгновение – и король провалился в липкую мглу, скованный чужой волей.

Даже знаменитая сила воли Железного короля проиграла схватку бессмертному существу.

Местоположение неизвестно

*30 декабря 1314
Замок Фонтенбло*

Глава вторая. Проклятый памятью

Доменик

Монфокон, Париж

Ночь с 30 апреля на 1 мая 1315 года

Ему приходилось держаться в тени, надвинув на глаза капюшон, прячась от света и случайных зевак, которые еще могли в это время слоняться вокруг Соколиной Горы. Ему приходилось сторониться людей, как какому-нибудь прокаженному. Чума на их головы! Эти четыре месяца растянулись на целую жизнь. И он не мог понять, как жить в новом теле, с новыми ощущениями, но старой памятью. Оставив неразрешимые вопросы в стороне, тот, кого человечество запомнит под именем короля Филиппа IV, пришел проститься со старым слугой. И, наверное, другом. С тем, кто сидел на советах по правую руку. С тем, кто заключал перемирия, договаривался о наилучших для Франции условиях из возможных. Тем, чья карьера взлетела с благословения Железного Короля. И завершилась на Монфоконе по велению короля Сварливого и его прихлебателей.

Он поправил ткань и поднял глаза. Монфокон. Его Монфокон, спроектированный верным, талантливым Ангерраном де Мариньи, его советником, финансистом, инженером, слугой, правителем Франции. Де Мариньи казнили вчера. Филипп наблюдал. Не без гордости – Ангерран до последнего держал лицо. Король никак не мог показать старому слуге, что он рядом и принимает эту жертву. Люди жестоки. Они с удовольствием используют слабости друг друга. Налетели на Ангеррана, оставшегося без поддержки всемогущего патрона. И кто мог подумать, что Людовик, сын, наследник, а ныне король Людовик X, которого за дрянной характер отец прозвал Сварливым, с таким остервенением станет избавляться от всех верных Филиппу людей? Он должен был знать! Он умер пять месяцев назад. Не прошло и полугодия! Но это полугодие перечеркнуло все, за что Филипп и Ангерран боролись, на что работали, не жалея себя. Оба ставили интересы государства выше любых частных. Оба стремились к высокой, большой цели. И оба вынуждены были отступить пред ликом смерти.

О, он должен был понять. Возможно, принять жесткое решение, но обеспечить Франции светлое будущее в лице достойного монарха. Можно ли было спасти государство? Да. Если бы однажды на охоте Филипп не упал с лошади. Если бы некто по имени Юлиан не положил своей целью уничтожить короля и, судя по всему, страну. Иногда судьба принимает облик рока, перед которым не властны даже короли. Де Мариньи начал ошибаться, действовать наперекор воле нового короля. Против него использовали даже брата-кардинала!

Как это грустно.

Странник горько усмехнулся. Он не мог теперь называть себя Филиппом. Юлиан сдержал обещание. Он лишил его имени. Титула. Положения. Жизни. Он оставил только память. Жестокую и абсолютную память, с которой сдернул мутную вуаль, чтобы она могла обрушиться на несчастное создание. И сокрушить его. Филипп теперь помнил все. С самого раннего детства. Каждую ошибку. Каждое сожаление. Каждый поступок, наложивший отпечаток на день или на всю жизнь. Он вынужден был переживать заново все то, что когда-то смущало его чувства. Прошлое приходило к нему во сне. Оно наваливалось, душа. Он просыпался в холодном поту, погружаясь в самые мрачные уголки. А потом сходил с ума от осознания, что это всего лишь сон – и Железного короля больше нет.

И вот он вынужден наблюдать за тем, как постепенно вступает в силу проклятие, в которое так легко поверили простодушные. Мощный еще не старик Мариньи качается на ветру на перекладине собственного детища.

Мысли унеслись в холодную декабрьскую ночь в то время, пока взгляд следил за тем, как ветер играет волосами покойника.

«Я знаю, ты не в восторге от монашеских орденов, – сказал Юлиан в ночь обращения, мерзко и величественно улыбаясь. – Именно поэтому я назову тебя Домиником».

Доминиканцы. Тогда еще Филипп с усмешкой ответил, что никто не запретит ему исказить имя и окрестить себя Домеником. Но эта мимолетная шутка утонула в чужой воле.

Доменик передернул плечами в тщетной попытке отогнать воспоминания прочь. О, да, Юлиан сдержал обещание. Он подарил ему темную жизнь. Подарил. И не оставил. Не помогая, но и не мешая. Первый месяц Доменик умирал от голода. Он не испытывал страха перед неизвестностью, разочаровав мучителя. Но никак не мог понять, что имеет в виду под словом «голод». Юлиан молчал. А его юному созданию претила сама мысль о человеческой крови.

Доменик повернул голову, наблюдая за уличным воров. Мальчишке было лет девять. Мелкий и наглый, шустрый. И что он забыл ночью у Монфокона? Увидев фигуру в темном плаще, он вскрикнул и дал деру. Фигура поправила ткань и привалилась спиной к дереву. Она не торопилась шевелиться.

Юлиан исчез несколько дней назад – Доменику не хотелось думать о том, куда направился вампир. Потому что из каждого такого путешествия он привозил неприятные, а то и страшные новости. Людовик никак не мог получить развод с Маргаритой, заточенной и осужденной. Измена – недостаточно веская причина, чтобы добиться расторжения брака. Решить это мог только папа, а папу до сих пор не выбрали. Сын Филипп пытался контролировать процесс, но безуспешно. Страна гудела, как растревоженный улей. Нет сильного правителя – нет покоя, нет развития. И бывший король с ужасом понимал, что даже если сейчас все сложится наилучшим образом, никому не удастся поднять Францию с колен, на которые она так легко становилась.

Хартии! Черт возьми, молодой король мановением руки 19 марта отменил все, что удалось достичь во время правления Филиппа. Больше никакой единой монеты! Он позволил васалам чеканить свою. Он позволил им содержать армии. Он закрепил крестьян! О, небо, страна откатилась в доисторические времена. Доменик сжал кулаки до хруста, с ужасом осознавая, что вспышка боли физической ничто – Юлиан в красках описал тот совет, на котором Людовик так легко и безжалостно подмахнул документы, положившие конец всему. Каким чудовищным напряжением воли Филиппу удалось объединить многие земли под своим крылом. И не войной! Переговорами! И все это полетело к чертям. О, небо, если ты наказываешь человека, то недостойными детьми. Нет наказания страшнее. Особенно, если речь идет о королях.

Наконец он решился сделать несколько шагов. Монфокон закрыт в это время. Его охраняют четверо стражников. Из глубин памяти всплыло донесение – люди отказываются нести вахту на Соколиной Горе. Боятся ночей. Тела, безобразные, разлагающиеся тела преступников, пугают их до состояния дрожи в коленках. И почти всю ночь стражники пьют у себя в сторожке, не обращая внимания ни на гостей, ни на ночных воров, мечтающих поживиться чем-нибудь у покойников. Сейчас Монфокон был практически полон. Доменик, сосредоточившись, оказался на нужном ярусе. Замер у тела Ангеррана, взялся за колонну и посмотрел вниз, несколько удивленный. Он не ожидал, что так легко прыгнет на второй этаж виселицы. Человеку это не подвластно.

– Вот к чему все привело, мессир Ангерран, – проговорил Доменик, обойдя вокруг тела со свернутой шеей.

Финансист был мертв. Еще вчера он разговаривал, смотрел в глаза стражникам, пытался поймать взгляд палача. Но, что скрывать, в ночь смерти короля он уже знал, что будет именно

так. Знал. Хоть и боролся. Сильные при прошлом монархе всегда падают при монархе новом. Людовик не стал продолжать линию отца. Доменик нахмурился. В это мгновение, стоя рядом с лучшим доказательством, что все покатило к чертям, Железный король не чувствовал ничего. Он был жестоко болен бессмертием, и с каждым днем конкретные дни растворялись в постепенно расширяющемся потоке той вечности, в которую его привел Юлиан. И в этой вечности уже не оставалось места для переживаний. Или он просто пытался найти успокоение в этой простой мысли.

Присутствие постороннего Доменик почувствовал за миг до того, как услышал окрик.

– Э! Стоять!

Он поправил капюшон и обернулся. Стражник стоял, схватившись за меч. Меч?

– Кто таков будешь? Поди прочь, здесь нечем поживиться.

– А поговорить со старым другом? – Доменик откинул капюшон и посмотрел человеку в глаза.

Тот поднялся по лестнице и теперь стоял в нескольких шагах, держа оружие наперевес. Естественно, в этом мрачном человеке он не узнал короля. Странные глаза тускло поблескивали при свете внезапно проснувшейся луны. Кожа казалась медной. Он был похож на статую, изваяние из тех, которыми украшают королевские надгробия в базилике Сен-Дени – стражник был там, когда хоронили Филиппа Красивого.

Доменик усмехнулся про себя – он слышал мысли человека так хорошо, будто тот проговаривал их вслух. Юлиан ошибся – способности развивались быстрее. Но он все еще боится солнца!..

– Я позову на помощь!.. Мать Христову...

Договорить не успел. Оторванная одним движением голова описала широкую дугу и рухнула у противоположной стены Монфокона, ударившись о тело убийцы, повешенного четыре месяца назад. Извивающийся труп упал к ногам Доменика, обрызгав его кровью. Он не любил кровь. Как-то Юлиан привел ему человека. Не понравилось. А вот страх... мгновение страха, который пережил стражник, принесло слишком большое удовольствие.

Доменик прищурил глаза. Их тут четверо. Теперь трое.

– Считай это прощальным даром, Ангерран.

Король Филипп IV

*Венсенский лес,
Лето 1307*

Филипп устремил на распорядителя охоты неподвижный взгляд темно-синих глаз. Тот замер, вытянувшись по струнке. За годы службы он никак не мог привыкнуть к этой королевской привычке – смотреть в глаза, не мигая и ничего не говоря. Король будто давал возможность оправдаться, но на самом деле мог думать об отвлеченных вещах. А сейчас его думы были мрачнее, чем обычно. Значит, за черной меланхолией вполне может последовать вспышка гнева.

– Ваше величество, мы все подготовили, – продолжил распорядитель. – Олень. Несколько кабанов. Егеря потрутся во славу вашего величества. Вы будете довольны.

Филипп молчал. Охота. Что за напасть. Еще час назад он думал об отдыхе, а сейчас мечтал вернуться в Фонтенбло и поработать. Тамплиеры занимали все его силы. Все его думы были сосредоточены на одной цели – ему нужны деньги. Деньги, которые можно направить на укрепление абсолютной монархической власти во Франции. К черту феодалов, к черту парламенты, советы и всяческие попытки ограничить власть монарха. Для Франции один путь – вперед, невзирая на препятствия, с сильным правителем во главе. Залог успеха – последовательность управления. Король хотел быть уверен в том, что все предпринимаемое им не зря.

Филипп разработал план, который уже начал претворять в жизнь. И сейчас чувствовал себя, как гончая, которая напала на след, но ее сдерживают. Она рвется с цепи в бесплотном стремлении помчаться за зверем, вцепиться в него зубами и получить одобрение. Филиппу не нужно было одобрение. Он хотел великого будущего для своей страны. И делал все, чтобы приблизить его. Он молод, здоров. У него есть время. И все идет просто прекрасно.

– Вы вволю поносили траур, ваше величество. Идите к людям. Убейте оленя.

Филипп вынырнул из тяжелых мыслей, с некоторым удивлением обнаружив, что распорядитель ушел. А вместо него у королевского стола стояла Сет. Его Сет, найденная и спасенная несколько лет назад. Его левая рука, тайная, разящая насмерть и готовая на все во имя своего короля.

– Траур?

Со дня смерти Жанны минуло почти два года. С чего она решила, что король носит траур?

– Моему королю нужно отдохнуть.

Сет прикрыла серебристые глаза и улыбнулась. Филиппу всегда казалось, что в этой женщине есть что-то особенное. Покажи он ее папе или любому из епископов, те в один голос начнут кричать, что он связался с колдуньей. Черные волосы. Серебряные глаза. Смуглая кожа. Высокая и стройная, сильная и грациозная, она совсем не походила на тех женщин, кого король привык видеть в своем окружении. В особенности на его бывшую жену.

– Король отдыхает.

– Осмелюсь не поверить, – улыбнулась она.

Сет оставалась единственным существом, кому Филипп позволял отступать от этикета. Он ценил редкие минуты с ней. Но не позволял девушке и себе переходить черту. Они встретились лет восемь назад. Он был молод и счастлив. Она – совсем ребенок, который погиб бы, если бы не эта случайная встреча в лесу Венсена.

– Сегодня здесь весь двор.

– Почти, – кивнул Филипп.

– Много новых лиц. Кого-то будут представлять?

– Мне не докладывали.

– Ты вернул из опалы барона де Маре.

Филипп пожал плечами.

– Пришло время.

– Ты видел дочь барона?

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

Сет снова улыбнулась. Она подошла к королю, прикоснулась кончиками пальцев ко лбу, потом к груди и поклонилась.

– Моя душа принадлежит моему королю. И я молю тебя – один вечер. Тебе нужно отдохнуть.

Филипп прикрыл глаза. В чем-то она права.

Шарлотта де Маре

Шарлотта де Маре, юная девица на выданье, скромно жалась к шее своего скакуна. Конь был слишком горяч для столь молодой особы, но она ничем не позволяла себе выдать волнения и – что скрывать – самого настоящего страха. Медные с позолотой волосы перехвачены лентой, и свободно покрывали спину до крупа лошади, отражая солнце и неизменно приковывая к себе внимание. Пронзительно-зеленые глаза смотрели сосредоточенно и опасно. Она понимала, что красива. И знала: ее красота есть и оружие, и проклятие. Нужно молчать и не привлекать к себе внимания. Но как, если вокруг тебя столько людей всех сословий?

Ее род небогат, но верен короне. Отец – один из тех, кто признал королевскую власть беспрекословно, хотя его отношения с Филиппом нельзя было назвать гладкими. Барону пришлось постараться, чтобы вернуть расположение короля, пока тот наконец не ответил любезностью на любезность и не пригласил де Маре на королевскую охоту в Венсен. И вот она здесь. Ее первая весна. Выход в свет, от которого зависит вся ее жизнь. Ей уже шестнадцать. Еще год – и она будет считаться старой девой.

Шарлотта с тоской осмотрела мужчин, в предвкушении горячей охоты осаживающих коней. Многие из них были интересны. Милы собой, имели земли, доходы, близки к королю. Подавляющее большинство женаты. А кто-то женат для вида – и ей не хотелось знать, что на самом деле происходит в семьях. Ее мать умерла родами, оставив ее на руках отца. Тот вторую жену искать не стал, посвятив всего себя тому, чтобы обеспечить дочери достойное будущее. Они из славного рода, участвовавшего в крестовых походах и заслужившего многовековую славу. И все же род обеднел.

– Вы бледны, дитя мое. Ваша белая кожа желанна многим гостям его величества сегодня.

Девушка мучительно покраснела и оглянулась на отца. Совершенно седой, раздобревший, он смотрел на нее строго, как всегда, но любовно, как в те редкие моменты, если они оставались наедине. Странно было сознавать, что она совсем не знала его и совсем не видела. Ее ближайшим человеком была кормилица. А все остальное... Шарлотта совсем не знала свет. И боялась его. Но сейчас ее сердце трепетало – сегодня она увидит короля. И, возможно, человека, кому будет отдана. Ведь именно для этого юных девушек представляют ко двору – сыграть выгодную партию.

– И вы можете сказать о ком-то конкретно, месье?

– Возможно, – старый барон улыбнулся в усы. – Возможно, дитя мое, ваш первый выход в свет будет победоносным. Меня ждет король.

Охота была успешной. Мужчины истоптали лес копытами скакунов, но вернулись с богатой добычей. Женщины встречали своих мужчин, братьев и отцов, мужей и возлюбленных, даря им томные взгляды, а в глубине души мечтая поскорее вернуться в замок. Говорят, король сегодня не позволил ни одному из соперников и близко подойти к заветной цели. Король отдыхал. И он был доволен. На сегодняшний день он отложил дела, разрешив беспокоить себя только в случае войны или восстания. Сегодня Венсен, погруженный в сон со дня смерти королевы, окрасится всеми красками. Прислуга собьется с ног, а двор будет праздновать. Филипп закроет глаза на разгульные нравы, будет сидеть во главе стола, думать о своем, отмечая каждое движение, каждый жест, каждый взгляд. Он обязательно увидит то, что должно увидеть. И использует это в будущем.

Шарлотта смотрела на короля искоса. Так, чтобы никто в мире, ни человек, ни бог не смог бы увидеть этого взгляда, заметить его глубины и томления. Чтобы никто не мог осудить ее за низкие мысли и надежды. Чтобы никто не мог сказать, что на ней печать порока, что она колдунья с зелеными глазами, чье место на костре, но никак не в одной зале со всемогущим королем. Она сидела достаточно далеко от него. Их разделяли люди, столы, прислуга.

Но порой Шарлотте казалось, что Филипп рядом. Ее сердце замерло в тот момент, когда он появился в зале, блистательный и прекрасный – и до сих пор румянец не сошел с белых щек, придавая ее лицу особенную прелесть.

Ей позволили быть на пиру, и она страшно волновалась. Отец представил ее барону де Ролье, недавно овдовевшему, но все еще полному сил и молодости. Но Шарлотта не смогла одарить молодого мужчину должным вниманием. Она слушала его рассказы об охоте, краснела, кивала и каждую свободную минутку использовала для того, чтобы посмотреть на короля.

Филипп был удивительно красив. Статен и благороден, как и подобает августейшей особе. Она знала, у него с королевой много детей. Он не был замечен в противоестественных связях. Он держал страну в железном кулаке и приблизил к себе людей низших сословий. Все, что Шарлотта знала о нем, восхищало и раньше, а сейчас сложилось в идеальный витраж.

– Барон, почему вы столь долго прятали от нас такой цветок? – чуть сипловатый голос де Ролье привлек ее внимание и заставил обернуться на отца.

Она уже не могла видеть, что темный, цепкий взгляд Филиппа остановился на ней. На бароне де Маре, а потом снова на ней. В глубине его глаз промелькнула скупая улыбка. Не могла Шарлотта видеть и серебристого взгляда Сет, скрывающейся в тени. Вездесущей Сет, знающей своего короля лучше его самого и безошибочно определяющей, что ему нужно в тот или иной момент.

– Вы же знаете наше положение, барон. Его величество позволил вернуться ко двору только сейчас.

– Вовремя.

– Шарлотта, почему вы молчите? – Отец посмотрел на дочь.

– Простите, батюшка, барон. Я впервые в королевском обществе. И не знаю, о чем говорить.

– Она скромна и прекрасна.

– Как и ее мать.

– Сочувствую вашей утрате.

Повисла неловкая пауза. Де Ролье и де Маре смотрели друг на друга, понимая, что вероятность объединения в одну семью слишком велика. Шарлотта – уже почти взрослая женщина, чистая и прекрасная, несмотря на скромное состояние своего отца – весьма перспективная партия. Взгляд де Ролье скользнул по ее профилю, спустился к декольте – ему нравилось думать о том, что можно стать первым и единственным господином этой маленькой женщины.

– Вы знакомы с королем? – внезапно спросила Шарлотта, разрушив очарование.

Мужчины посмотрели на нее неодобрительно.

– Каждый, находящийся в этой зале, знаком с королем.

– Кроме меня...

– Ваше время еще не пришло. Король занят. Чуть позже я представлю вас.

Старый барон вглядывался в лицо дочери, пытаясь понять, о чем она думает. Потом поднял глаза и увидел, что Филипп IV смотрит прямо на него. Король не изменил своей позы. Он слушал, что ему говорили, но не реагировал. По глазам барон понял – время пришло. Если он не представит дочь сейчас, как того требовал свет, у него не будет возможности сделать это еще раз. Барон встал. Филипп следил за ним спокойными холодными глазами. В подтверждение догадки появился королевский слуга.

Он поклонился гостям и сообщил, что король ждет.

– Простите, барон, – проговорил де Маре. – Я должен представить Шарлотту, а потом вернуться к вам.

– О, де Маре, я буду ждать с нетерпением. Ваша дочь обворожительна. И это такая редкость – иметь возможность поговорить со столь чистой особой при дворе.

Старый барон посмотрел на собеседника, пытаясь понять, что он хочет сказать на самом деле. Де Ролье – отличная партия. Не особо богат, но знатен. Еще молод – ему не исполнилось и тридцати. И уже вдовец. У него не было наследников, значит, нужна жена. И возраст Шарлотты не имеет значения, если она чиста. А она чиста. Осталось решить, как донести до него мысль, что лучше партии ему не найти.

Путь до трона показался девушке бесконечным. Она почти не держалась на ногах, когда он наконец подошел к концу. Филипп не сразу отреагировал на их появление. Шарлотта с отчаянно бьющимся сердцем присела в глубоком реверансе, ее отец замер, склонившись почти до земли.

– Ваше величество, – проговорил он, когда было позволено выпрямиться. – Низжайше благодарю вас за милость, оказанную моей семье. И с гордостью и смирением представляю вашему величеству мою дочь. Мадемуазель Шарлотта де Маре.

Филипп выпрямился и посмотрел на нее. Шарлотта подняла голову. Их взгляды снова встретились. Ей должно было отвести глаза, но девушка не могла найти в себе сил это сделать. Вблизи стало понятно, что глаза у короля не совсем черные, но темно-синие. И волосы оттеняют строгое лицо, спускаясь до подбородка мягкими волнами. На голове корона. Во взгляде – мрачное осознание собственной власти, силы, и еле различимый интерес к происходящему. Вблизи его красота казалась сокрушительной и слишком холодной. А в свете факелов глаза отдавали красным.

– Шарлотта де Маре, – низкий голос короля заставил ее затаить дыхание и наконец опустить глаза. – Мы рады видеть вас при дворе.

– Благодарю, ваше величество.

– Вам не стоит терять время, барон. Ваша дочь прекрасна.

– Благодарю за доброту, ваше величество.

– Вы уже разговаривали с де Ролье, барон? – Король наклонил голову и посмотрел вдаль, отыскивая глазами недавнего собеседника. Он прекрасно знал, что они разговаривали. И знал, к чему это приведет. Такой прямой вопрос не вписывался в рамки этикета – Шарлотта слышала, что отец перестал дышать, взволнованный настолько прямолинейным участием короля в жизни подданных.

Девушка понимала, что в эти мгновения решается ее судьба.

– Да, ваше величество, – стусевался де Маре.

– Хорошо. Надеюсь, мадемуазель будет покорна воле своего отца и своего короля.

– Как пожелаете, ваше величество.

Ночь с 30 апреля на 1 мая 1315

Монфокон, Париж

Доменик

Доменик стоял у ворот Монфокона, борясь с очередным жестоким приступом боли. Запах чужой крови преследовал его. Красный туман ярости уже испарялся, уступая место знакомой пустоте. Образ Шарлотты, воспоминание о первой встрече на охоте, предстало перед внутренним взором в миг совершенного наслаждения убийством. Этот образ был столь чист и ярок, что вампира выбило из состояния эйфории и безжалостно швырнуло в действительность. Его последняя любовь, его слабая надежда на счастье – Юлиан забрал и ее.

– Я знал, что найду тебя здесь.

Создатель стоял в нескольких шагах, недобро шурясь.

– Я должен был проститься со старым другом.

– И поискать следы любимой женщины. Ты не заслужил ни того, ни другого.

Доменик рухнул на колени, скованный волей существа, многократно превосходившего его силой.

– Но это хорошо, что ты ее помнишь. А сына помнишь? Ему уготована интересная судьба.

– Он не сможет оказать влияния на политику, – прохрипел Доменик, хватаясь рукой за горло. – Оставь его в покое.

Юлиан разжал кулак, отпуская его. Тот распластался на ступенях, осторожно пытаясь дышать. Вампир наклонился к нему.

– Политика, мой друг? Меня интересуешь ты.

Глава третья. Темная жизнь

Доменик

*Нельская башня, Париж
2 января 1315 года*

– Темный мир существует практически столько же, сколько и привычный тебе. Но он скрыт от людей, – Юлиан сидел на ковре, прислонившись спиной к стене. Новообращенный вампир, которому дали имя Доминик, и которой воспротивился воле создателя, окрестив себя Домеником, лежал рядом, прижав колени к груди и борясь одновременно с болью и тошнотой. – Как существуют расы, как существует социальное расслоение – так и в темном мире ты увидишь большое количество разнообразных существ. Это усмешка в лицо вашему Богу, проклятый король. Вампиры, которые любят и пьют кровь, вампиры, которые не выносят запаха крови. Вампиры, которые не боятся солнца и те, кто мгновенно распадается в серебряную пыль, стоит только светилу застать их в пути. Эльфы, темные и светлые, воины и мудрецы. Вы убиваете за ворожбу, потому что боитесь неизвестного. Мы восхищаемся теми, кто освоил магию.

– Магию?..

– Магию. Медицину, об уровне которой в вашем веке даже задуматься страшно. Иногда мы вам помогаем. Но чаще не вмешиваемся. Пока кто-то не влезает в наши планы. Как, например, один своенравный король перевернул с ног на голову мои начинания.

– Зачем тебе нужен был христианский орден? – Доменик с трудом отполз к кровати и прислонился горячим лбом к дереву.

Юлиан следил за ним с непередаваемым выражением скуки в глазах.

– Это власть. Подлинная, не та, к которой стремился ты... Конечно, пока ты не понимаешь. Что чувствуешь?

– Пустоту.

– Всего-то.

Юлиан закрыл глаза. Доменик и не открывал их. Зрение изменилось, и он не мог пока понять, как им пользоваться. Как можно жить, когда ты различаешь все краски Вселенной, когда способен увидеть мышь-полевку на расстоянии в несколько миль? Как можно спокойно находиться в комнате, если ты способен различать пылинки на деревянном столе? Юлиан не отвечал на вопросы, а Доменик и не стремился их задавать. Внутри себя он понимал: так не должно быть. Наверное, совсем иначе люди переходят в чужой лагерь, обретая темную жизнь. Их кто-то должен учить. Тот, кто обратил! Но нет. И это тоже часть мести. Доменику предстояло научиться самому.

Что ж. Тем лучше. Если он выживет, станет сильнее. И, может быть, ему удастся отомстить. Хотя в эти дни думать о мести Доменик был не способен. Он ощущал себя ребенком. Да нет. Рыбой, выброшенной на берег. Прошлые заботы и тревоги растворились в волне новых ощущений. О, если бы он раньше видел так, как видит сейчас! О, если бы он раньше не подозревал, но точно знал о существовании Темного мира, все было бы иначе.

По меньшей мере, теперь король понимал, почему так необычна и прекрасна девочка Сет. Юлиан сказал, она темная эльфийка.

– Нельская башня. Она вся пропитана пороком. Ты чувствуешь?

– Да.

– Ты ведь до последнего не верил, что Жанна тебе изменяла?

– Она изменяла королю Филиппу. Не мне.

Юлиан расхохотался.

– А ты молодец, Доминик.

– Доменик.

– Упрямец.

Новообращенный приоткрыл глаза и посмотрел на создателя. Он видел в нем почти что отца. Отвратительно безнадежное чувство.

– Она была хороша. Почему ты оставил ее?

Доменик промолчал. Он понимал, что Юлиан не успокоится, пока не расскажет то, что намеревался рассказать. Изменяла ли Иоанна мужу? О, да. Отвечал ли он ей тем же? Нет. Он не смотрел на других женщин. И не из соображений верности, но из понятия времени – король был занят. И если в первые годы брака он мог проводить с молодой и пылкой женой почти все вечера, то с течением времени заботы и дела государственные оставляли ему и на сон всего-то несколько часов. Браки королей заключаются в канцеляриях и никакого отношения к делам сердечным не имеют. Народ восхищался своим королем и королевой – самая красивая пара, известная истории. Их молодость, свежесть, наружность и уверенность в себе и завтрашнем дне служили неким гарантом – государство в надежных руках. Кому какое дело, что происходило тогда, когда корона оставалась в стороне, а Железный Король превращался в мужчину Филиппа Капетинга?

– Из тысяч женщин она была одной из первых. Вы странные, люди.

– Ты привел меня сюда, потому что сам здесь бывал неоднократно?

– В разных облициях.

– Ну конечно. Понравилось в мешке и с камнем? – Доменик бросил эту фразу едко и тут же пожалел – боль вернулась. Пришлось откинуть голову на кровать и зажмуриться.

– До мешка не дошло, – с улыбкой отметил Юлиан. – Туда отправился один из прислужников. Я вот что думаю. Твоя семья – не эталон благочестия. Но почему ты не позволял себе отдохнуть? Все женщины при дворе сходили с ума по ночам от желания при мысли о тебе. А ты не позволял никому приблизиться.

– Зачем?..

– Ты еще будешь меня благодарить, мой друг, – голос Юлиана смягчился. – Даже при всем мастерстве твоей жены и робкой нежности Шарлотты ты не знаешь и сотой доли того, что на самом деле может принести близость с другим существом. Теперь она станет чуть ли не основным блюдом твоего стола.

– Да?

– Да. Многие из нас питаются именно этим – животной страстью, будоражащей воображение.

– Изысканный деликатес.

– Тебе нужно поесть. Своей крови не дам. Не заслужил. Но – так и быть – приведу человека.

Доменика обдало горячей волной. Он выпрямился и посмотрел на Юлиана.

– Я не стану убивать, чтобы утолить голод.

– А кто говорит об убийстве? Ты не животное и не зверь, мой друг. Вспомни своего знакомого де Ролье, которому ты пожаловал графский титул? Вот зверь в человеческом обличе.

Доменик страшно побледнел.

Шарлотта де Ролье

Лето 1307

Шато-Ролье, Шампань

Французское королевство

Шарлотта стояла посреди спальни мужа, неловкими движениями приводя платье в порядок. Через пару минут им нужно будет вернуться в залу, где уже ждали многочисленные гости. Пир будет продолжаться до глубокой ночи, а завтра утром все отправятся на охоту. Она предстанет пред светом в качестве баронессы де Ролье. Они уже принесли клятву перед богом. Отец плакал. Она не чувствовала ничего, еще не до конца принимая тот факт, что с этого дня навсегда принадлежит этому, на самом деле, совершенно незнакомому ей человеку. Впереди целая жизнь, чтобы познакомиться, привыкнуть и, если Господь будет милостив, полюбить этого мужчину, как каждой женщине должно любить своего мужа.

В комнату ввалился барон. Он был слегка пьян. Раскраснелся. Глаза сияли. Он подошел к жене и положил руки ей на хрупкие плечи чересчур властным и резким движением. Шарлотта вздрогнула. Впервые мужчина к ней прикоснулся. И она не совсем так представляла себе этот момент.

– У нас есть час, – сообщил барон. – Гости развлекаются. И нас пока не ждут.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что без вашей ласки, моя милая баронесса, я до вечера умру!

– Но, сударь...

Он взял ее за плечи и наклонился, чтобы рассмотреть.

– Вы слишком красивы для женщины, Шарлотта.

Девушка задрожала. Красивые черты лица мужа исказились, в глазах появился звериный блеск. Ей внезапно стало страшно. Настолько страшно, что она не могла дышать. Ролье грубовато притянул ее к себе, а потом отскочил в сторону, опомнившись.

– Вы вся дрожите. Бог мой, Шарлотта, простите меня. Я забыл.

Она обхватила себя руками и отвернулась, с трудом сдерживая слезы. Он не сделал ей больно. Но внезапная близость оказалась настолько давящей, что она совсем не была к ней готова. Она понимала, что сегодня между ними должно произойти что-то важное. И после этого она посмотрит на все иначе. Но не ожидала, что Ролье решит перейти в наступление так скоро.

– Я в вашей власти, мой господин, – дрожащим голосом проговорила она. – И вы вольны делать все, что посчитаете нужным. Я приму вашу волю. И буду следовать ей.

– Ох, мадам, если бы это было так!.. – воскликнул он неожиданно озлобленным тоном.

Покорность жены его раздражала. Снова притянув ее к себе, он занялся шнуровкой.

– Но, как бы там ни было, ждать ночи я не готов.

Он торопился. Он хотел первым сорвать этот цветок. Цветок, который был вверен ему, на которое он имел полное право. Как перед богом, так и перед людьми. И плевать, при каких обстоятельствах был заключен брак. Он торопился. Красное свадебное платье было снято резковато, и все же не порвалось. Оно отлетело в сторону. Робер, возбужденный ситуацией больше, чем необыкновенной красотой жены, шел к цели, не разбирая дороги.

Она молчала. Дрожала, неловкими руками заставляя себя его обнимать. Он злобно скинул руки жены со своей шеи – он любил свободу. Полную власть над женщиной. Больше, чем полную власть. Она закусила губу. Молила бога только об одном – не показать мужу, что ей больно и страшно. Она отдана ему – и этого не изменить.

Через некоторое время все закончилось. Де Ролье коротко вскрикнул и вскочил, сияя довольной улыбкой. И он не знал, что больше его радует – безропотная покорность красивой женщины или ощущение того, что он успел. опередил короля, который явно испытывал к его жене интерес. Больше, чем интерес, раз обеспечил ее мужем, который будет молчать. Де Ролье считал себя связанным по рукам и ногам. И все же он успел.

Никогда раньше Филипп не принимал такого деятельного участия в судьбах обычных подданных. И подобное внимание де Ролье расценил по-своему. Он дал слово королю, что вступит в брак с мадемуазель де Маре – и сдержал его. Филипп в ответ обещал милость. Кто знает... может, титул, земли, субсидии. Как бы там ни было, в эти минуты он мог думать только о жене. И о том, что все это может рухнуть по чужой прихоти. Ах, если бы можно было избавиться от внимания короля! Переключить его на что-то.

– Жду вас внизу через пятнадцать минут. Будьте добры, приведите себя в порядок.

Шарлотта молча кивнула, зажимая указательный палец зубами, чтобы не закричать. Тело разрывала боль. Нижняя рубаша безнадежно испорчена – кровь не отстирается. Она чувствовала себя так, будто ее долго и нещадно били. И не понимала, что произошло. Робер превратился в зверя. Он причинил ей боль и какое-то болезненное, извращенное удовольствие. Она теперь будет бояться ночи. И ждать ее. Будет пробовать свои силы – сможет ли она направить его, смягчить? Или так и должно быть?

– Баронесса, позвольте вам представить. Мой друг, шевалье д’Ориньяк. Он живет в Лангедоке, редко приезжает в наши края. Но не смог пропустить такого прекрасного события, как наша свадьба.

Голос Робера теперь заставлял ее втягивать голову в плечи. Лишь нечеловеческое усилие позволило Шарлотте сохранить осанку.

– Поздравляю вас.

Смутно знакомый голос заставил ее поднять голову.

– Благодарю, шевалье, – отреагировал барон. – Сударыня, позвольте вас оставить в компании этого человека. Я должен идти к гостям. Он – единственный, кому я могу доверить свою жену.

– Благодарю, барон, – шевалье посмотрел на него. Де Ролье удержался от гримасы и отошел в сторону. После того, что произошло в спальне, ему было легко.

А гости настолько перепились, что вряд ли кто-то из них обратит внимание на разговор никому неизвестного шевалье и новоиспеченной баронессы. Подходящий момент. Филипп пришел на его свадьбу, представившись чужим именем. Это такая королевская забава? Де Ролье было плевать.

– На вашем лице печать печали, сударыня. Вы не рады празднику?

Шарлотта подняла глаза. Темно-синий взгляд шевалье остановился на ее лице. Совершенно неподвижный. И знакомый.

– Возможно, я просто не до конца понимаю, что произошло, сударь. Простите, мы встречались раньше? – Она прикусила язык. Ей еще предстоит учиться светским беседам. Ей предстоит научиться прятать лицо и никому не доверять.

– Возможно. Вы расскажете мне?

– Нет того, что стоит произносить вслух, сударь. Как давно вы знакомы с моим мужем?

– Определенно дольше, чем с вами. И это меня печалит.

Его гладко выбритое, холеное лицо, было рядом. Шарлотта могла рассмотреть мельчайшие детали, с каждым мгновением все больше убеждаясь в том, что...

– Где мы виделись с вами?

– А что подсказывает вам ваше сердце? – чуть высокомерная улыбка.

Шарлотта с трудом сохранила спокойный вид.

– Этого не может быть. Если моя догадка верна, я не знаю, что и думать... сударь.

– Не стоит вносить смуту сомнениями, сударыня. Вы узнали меня, я вижу. Так не отрицайте очевидное.

Никто не обращал на них внимания. Они сели чуть поодаль, свет факелов почти не разогнал мглу. Шарлотта, глубоко и тяжело дыша, рассматривала этого мужчину, который назвался шевалье, но который обладал титулом более громким, пришедшего на ее свадьбу. Она не могла понять, что его привело сюда. Чем она привлекла его внимание. Или он действительно просто поддерживает дружеские отношения с ее мужем? Или...

– Я уже говорила... я поступлю согласно воле своего короля. Я вышла замуж. И не знаю, что будет дальше. И не должна знать, ведь так? Отец получил поддержку. Мой муж получил поместье. Я – титул. Наверное, стоит поблагодарить бога за то, что все именно так, как есть.

– Вы говорите это настолько безрадостно, что я отказываюсь вам верить, – шевалье отвернулся и в свою очередь оглядел залу. Он смотрел на Ролье, который напивался в компании друзей. Он выглядел слишком довольным и спокойным.

Темно-синий взгляд вернулся к ее лицу. Осмотрел еще внимательнее. Покрасневшие глаза. Подведенные краской губы – за ней спрятана ранка. Платье зашнуровано тщательно, но оно смято. Немного – и все же.

– Ваша воля. Я – женщина.

– Вы баронесса де Ролье. Но и вы нуждаетесь в обычной поддержке, сударыня. И я готов вам ее оказать.

– Но... почему? – Обращение «ваше величество» она не произнесла. Он прочитал его по губам.

Он помолчал, улыбаясь. Красивое лицо озарилось изнутри. Помолодело. С него слетела печать забот и властности. Осталась только красота, мужественность и невероятная внутренняя сила. Благородные черты. Истинно королевские. Шарлотта поверила. Поверила в то, что рядом с нею сидит сам король. Что она общается с ним так же, как с любимым из знакомых своего отца. И, более того, он сам принудил ее к такому общению. Боль внутри медленно рассасывалась, уступая место робкой надежде. Если король здесь, значит, ему не все равно.

– Я буду рад видеть вас, сударыня.

– Муж говорит, вы его друг...

Тень недовольства пробежала по его лицу.

– Вы, сударыня. Вы хотите ли меня видеть?

– О, да, – прошептала она, тут же мучительно покраснев. – Очень хочу.

Доменик

*Нельская башня, Париж
2 января 1315 года*

Кровь Доменику не понравилась. Он отпустил приведенную девушку, вложив в ее голову ложные воспоминания. Юлиан восхитился – когда еще обращенный сутки назад умудрялся самостоятельно зачаровать жертву? И теперь они вновь оказались вдвоем в Нельской башне, сожженной по приказу Филиппа много лет назад. Юлиан обустроил здесь покои, в которые, как и тогда, можно было попасть только по приставной лестнице. Ну или... просто попасть, если ты не человек.

– Любовь с первого взгляда. Что ты нашел в этой девочке? Решил устроить ее судьбу. Выдал замуж. Знал, что через некоторое время сделаешь графиней, будто бы оставаясь в стороне. И при этом пришел на ее свадьбу. Зачем?

– Не знаю.

– Железный Король поддался чувствам, – рассмеялся Юлиан. – Жаль, я не знал всего этого раньше. Обращение – удивительный момент. В эти часы я узнал о тебе все. Ты понимаешь? Я чувствую твою жизнь так, будто прожил ее сам. Обычно эти воспоминания закрываются для обращенного. Но тебе я подготовил другое.

– Да. Я помню все.

Юлиан сел на окно и посмотрел вниз.

– Париж. Тих и прекрасен. Тот особняк же недалеко?

– Недалеко.

– Как это романтично.

Доменик промолчал. Воспоминания Филиппа теснились в его голове. Шарлотта понравилась ему сразу. Но можно ли было назвать это чувство любовью? Он был старше больше чем вдвое. И все же что-то тянуло его к девочке. Он поручил Сет оберегать ее. Он дал ей титул, привычными действиями будто бы определив будущее. А на самом деле швырнул ее в ад. Много позже Шарло пришлось объяснить, откуда на ее теле столько синяков и царапин. Филипп был в ярости. Но в итоге ничего не сделал. Ограничился туманным предупреждением.

Слабак.

Интересы государства выше собственных.

А что сейчас?

– Ты ведь знаешь, что ей не позволили проститься с тобой? Де Гресс запретил жене посетить похороны.

Доменик, стоявший в глубине комнаты, в мгновение ока оказался около окна. Он посмотрел создателю в глаза.

– Я не знал.

Тот ухмыльнулся.

– Ты думаешь, я позволю тебе отомстить? Это был бы слишком щедрый подарок.

– Что ты намерен делать?

– Пока мне достаточно твоих воспоминаний и чувств. Тебе больно.

Шарлотта де Ролье

Осень 1307

Париж

Шарлотта выглянула из окошка, сдвинув занавеску. Они уже въезжали в Париж. Робер дремал, откинувшись на подушки, а она уснуть не могла. Дальняя дорога напомнила полный надежд и ожиданий путь, который она проделала перед свадьбой. Тогда она не знала, что супружеский долг может причинять боль и неудобство. Тогда она не знала, что молодой и положительный во всех отношениях барон де Ролье может оказаться деспотом и тираном. Тогда она и предположить не могла, что в тайне, мучаясь от стыда и сожаления, она будет мечтать о том, чтобы встреча с королем повторилась.

Она превращалась в одну из тех дам, для кого брак становился условностью. Ей исполнилось семнадцать. И в качестве подарка де Ролье решил, что пришло время переехать в Париж. Сердце Шарлотты трепетало – она будет ближе к королю! Она увидит Нотр-Дам, Сен-Дени. Она пройдет по королевскому дворцу и обязательно попробует горячие сладкие вафли. Купит себе какую-нибудь безделушку в торговых рядах. И вспомнит, что она молода и прекрасна. Ее муж состоятелен. Ее будущее светло и бесконечно. И омрачает его лишь понимание того, что Робер будет рядом всегда.

Шарлотта повернула голову и заставила себя посмотреть на мужа. Во сне он становился необычно мягким. Тонкие черты лица. Неизменные тени под глазами. Гладко выбритый подбородок – подобно королю, он старался поддерживать себя в отличном состоянии независимо от обстоятельств. Сильное тело. Слишком сильное. Баронесса не могла сопротивляться ни его воле, ни его рукам. И не имела на это права. Оставаясь с ней наедине, де Ролье редко улыбался. И смотрел будто мимо нее. Даже если его взгляд касался ее глаз, он устремлялся много дальше. Шарлотта не жалела об этом.

Она подняла руку и поправила прядку, упавшую Роберу на лицо. Она пыталась найти в нем что-то, за что можно было бы зацепиться и возродить робкий огонек чувства, который обозначил себя в первую встречу, но так и не разгорелся. И ей почти удавалось это сделать. Особенно сейчас, когда разговор с королем на ее свадьбе остался призраком прошлого, а надежда на то, что он поможет что-то изменить, рассыпалась и исчезла.

Робер неожиданно открыл глаза и посмотрел на нее. Выпрямился, отвернулся и приоткрыл занавеску, чтобы определить, где они находятся. Его волосы немного отросли. Они достигали подбородка и красиво обрамляли холодное лицо.

– Скоро мы будем дома, мадам.

Отчужденный, лишенный эмоций тон. Шарлотте стало горько.

– Вы жестоки со мной, – проговорила она и умолкла, испугавшись такой прямоты.

Де Ролье всем корпусом повернулся к ней. Бык, готовящийся к атаке, не иначе.

– О чем вы?

– Я ничего вам не сделала, – баронесса закрылась руками. Они почти не оставались наедине так, чтобы можно было поговорить, и сейчас она решила воспользоваться ситуацией. Хуже уже не будет.

Де Ролье молчал, с надменным видом глядя на нее.

– Ничего мне не сделали? Это верно. Вы до сих пор не носите под сердцем моего наследника.

Она развела руками.

– Мессир, я не властна...

– Недостаточно любви и преданности, мадам. Наш дом недалеко от небольшой и уютной церкви. Надеюсь, вы при первой возможности отправитесь туда и попросите у Господа прощения за все. В таком случае он пошлет нам сына.

Шарлотта вспыхнула.

– Но я чиста перед вами! Почему я...

Он схватил ее за предплечье и притянул к себе, обдав горячим дыханием.

– Закройте свой чудесный ротик, иначе, клянусь, я предприму попытку сделать нам сына прямо сейчас.

Она вырвалась и отскочила на противоположное сидение, чуть не упав. Лицо барона исказила уже привычная гневная гримаса. Чем ярче становилась красота жены, тем сложнее ему было ее выносить. Он ревновал, постыдно и низко ревновал к каждому встречному, боялся, что кто-то увлечется ею, и кому-то она ответит взаимностью, но решительно не понимал, что таким поведением не ограждает ее от ошибки, но толкает к ней.

– Робер, что я вам сделала? – в ее голосе зазвенели слезы. – Вы так жестоки со мной. О, бог мой, Робер, зачем же вы женились на мне, если теперь и нескольких мгновений не можете провести рядом?

– Я женился, потому что не знаю женщины прекраснее вас.

В коляске повисла тяжелая тишина. И будто сквозь десятки полотен с улицы доносился обыкновенный городской шум и ругань.

Шарлотта не нашлась с ответом. Ей была непонятна эта странная, мужская логика. Она, еще совсем невинная и неопытная девушка, не понимала, что в ее изумрудных глазах барон де Ролье находил свою погибель, что в ее медно-золотых волосах он видел смерть, а ее тонкий стан сводил его с ума и предвещал грядущий позор. Она не понимала, что он, каждый раз встречаясь с королем, в глубине души ждал короткого приказа или предупреждения. Филипп обозначил границы, но так за них и не перешагнул. Но милости... королевские милости были явлением столь редким, что барон понимал – за них придется заплатить. Честью.

Горечь затопила его. Барон отвернулся к окну, лишь бы не видеть этих молящих глаз. Если минуту назад он был готов овладеть женой прямо в карете, без лишних слов и долгих приготовлений, то сейчас терзался этой мыслью. Он пришел в себя только тогда, когда маленькая ручка жены легла на его могучий кулак. От прикосновения пробежала дрожь. Он не ждал нежности от нее. И подобной смелости. Почти самоотверженности.

– Я принадлежу вам. И, право, я ни о чем не молю господу так горячо, как о том, чтобы он послал нам наследника, месье. Вы – мой господин. И, если я чем-то обидела вас, скажите. Я сделаю все, чтобы искупить вину.

– Все?

– Все, что в моих силах.

– Поцелуйте меня, Шарлотта.

Она мучительно покраснела. Поцелуй представлялся ей настолько интимным, что при одной мысли о том, что нужно пересилить себя и прикоснуться губами к упрямо сжатому рту Робера, становилось не по себе. Он ждал, не шевелясь и следя за ней несколько насмешливым взглядом. Что-то между ними изменилось. Впервые она почувствовала, что муж дает ей некую свободу в действиях. Она привыкла к грубости, порывистости и резкости. Привыкла к тому, что их ночи коротки и оставляют ее в состоянии полной разбитости. Решила, что так и должно быть. Ведь чем ее муж хуже других? Она почти спокойно реагировала на то, как он приходил к ней в покои, молча снимал с себя тяжелые одежды и просто брал то, что ему принадлежит. Он не целовал ее и не ласкал. Лишь однажды... На следующий день после свадьбы, когда несколько справился с головной болью, он позволил себе немного осторожной ласки. И в тот момент она решила, что боль навсегда осталась в прошлом, и что он действительно настолько

пылал страстью к ней, что не мог ждать вечера. Но уже в следующий раз барон жестоко разбил ее надежды.

И вот сейчас... Она давно не видела его настолько спокойным. Шарлотта пододвинулась ближе. Нужно, чтобы он наклонился. Баронесса протянула к нему руки. Робер аккуратно поддался вперед, ловя себя на мысли, что волнуется. В этот момент коляска остановилась. Лакей прыгнул на землю и пару раз ударил в дверь.

– Монсеньер, прибыли, – доложил он.

Шарлотта замерла. Робер склонился над ней.

– Подождут.

Его руки все еще порывисто, но напряженно-нежно легли на ее талию. Он сдерживал себя, борясь с желанием перехватить инициативу. Шарлотта рассматривала его лицо. Ее красота только зрела. Еще несколько лет – и она засияет, раскроется. И сама баронесса наконец поймет, насколько она красива. И сколь велика ее власть над мужчинами. Может, король именно этого и ждет? Момент, когда из хрупкой девушки она превратится в прекрасную женщину? Может, он разглядел что-то в ее глазах? Мысли о Филиппе вернули де Ролье в мрачную реальность. И красота жены уже вызывала боль, а не восхищение. Он притянул ее к себе и коротко прикоснулся губами к ее губам. Хотел отстраниться и выйти, но слабые руки жены не позволили этого сделать.

Робер взглянул на нее с высокомерным удивлением.

– Вы просили, чтобы я вас поцеловала. Я не выполнила просьбы.

– Не суть важно. Нам нужно идти.

Шарлотта сжала ткань дуплета. Потянулась к нему и впервые сама легко коснулась губами его щеки. Де Ролье замер.

– Оставьте это, сударыня, – бросил он, отвернулся и толкнул дверь коляски. Лакей вытянулся. Барон соскочил на землю и, развернувшись, подал жене руку.

Шарлотта, покрасневшая и расстроенная, не глядя, оперлась на нее. Она не могла понять, что делает не так, и почему мужа разозлил ее отчаянный жест.

– Наш дом, – сухо проговорил де Ролье, борясь с желанием отнять руку. – Я покажу вам его. И ваши покои. Завтра я отправлюсь во дворец, а вы, сударыня, озаботитесь обустройством.

– Воля ваша, – отозвалась она, рассматривая величественное здание. – И я покорна ей.

Глава четвертая. Природа отдыхает на детях

Юлиан

Лето 1315

Артуа, Франция

– И изгоним к чертям Дени д’Ирссон, только его здесь и видели. Я бы многое отдал, чтобы голова этого лиходея наконец отделилась от тела. Ах, как сладко было бы увидеть ее на вершине копья.⁷

Сир де Лик обвел собравшихся лукавым, уже весьма хмельным взглядом.

– Угомонись, де Лик. Это вопрос решенный. Сам граф Пуатье на стороне графини. Вернул из заточения свою жену... Поминай как звали наши милости.⁸

Юлиан, следящий за возмущенными дворянами из своего темного угла, тонко улыбнулся. Его план сработал даже лучше, чем он рассчитывал. И кто бы мог подумать, что он найдет верного помощника в лице нового короля? Людовик Сварливый, получивший как нельзя подходящее ему прозвище от покойного батюшки, движимый чужими мнениями и терзаемый только тем, как бы укрепиться в глазах новой королевы, быстро и стихийно разваливал страну.

– А вы, сударь, как считаете? Проиграли мы или победили?

Вампир посмотрел на спросившего. Де Лик слишком пьян.

– А мы разве на войне, чтобы говорить об этом?

– Мы уже все проиграли... в грязи, – буркнул кто-то.

Дворяне рассмеялись было, но тут же горько притихли, вспоминая короткий и позорный для короля Франции и самой Франции поход на Фландрию.

– А Филипп проиграл лишь однажды.

Юлиан спрятал улыбку в тени. Да, король Филипп еще долго будет жить в памяти даже тех, кто в его отсутствие добился возвращения многих старинных, принятых еще при Людовике Святом, традиций, дающих феодалам безграничные вольности. Железный король притеснял дворян. Но по его силе и уверенности в завтрашнем дне тосковали. Тосковали и по его холодному, спокойному образу. Он умел вдохновить войско. Эта способность перешла и одному из сыновей – графу Пуатье, который, несмотря на возраст, раскидал толпу дворян, пришедших со своими требованиями к графине Артуа, как нашкодивших детей. Ему двадцать два, многим из присутствующих за сорок. Неравная битва, которую принц выиграл легко и непринужденно. Этот мальчик вампира настораживал. Того и гляди, он сможет своими силою и прозорливостью восстановить то, что брат Людовик разрушил. Хотя у него нет нужного влияния на взбалмошного короля. А если обретет – всегда можно дернуть за нужные ниточки.

Тот же тщеславный и жадный Робер Артуа в его распоряжении. Тот же Карл Валуа, несносный брат Филиппа Красивого, своими действиями толкающий Францию к бездне. У Юлиана слишком много помощников, чтобы допускать саму мысль о возможном провале. Вампир снова улыбнулся своим мыслям. Он играючи менял личности. Вчера – рыцарь-тамплиер, сегодня – один из сиров Артуа, возмущенный властью графини Маго и готовый

⁷ Дени д’Ирссон – казначей Маго, графини Артуа, вдовы пфальцграфа Бургундского, пера Франции, свекрови Филиппа, графа Пуатье, среднего сына Филиппа Красивого.

⁸ Филипп граф Пуатье, будущий король Филипп V Длинный. Средний сын Филиппа IV, единственный из его детей унаследовавший хотя бы толику отцовской политической мудрости и природной мощи.

на все, чтобы урвать свой кусок власти. Монета – своя. Армия – своя. Королевская власть – ну да, не сбросить. Зато можно сбросить ярмо графини Артуа. Он легко направлял взрывных дворян, при этом не привлекая к себе внимания. И делал так всегда. В отличие от ордена тамплиеров, в этой шайке он был единственным темным существом – никто не портил игру.

– Да простит меня господь, – задумчиво проговорил де Лик, – но если бы граф Пуатье занял трон, все пошло бы по-другому.

– Смотри не ляпни это при его светлости Робере, – тут же осадили его товарищи. – Кто, как не граф Артуа, всегда стремится нам помогать?

– Граф Артуа помогает сам себе, – проговорил Юлиан. – Он использовал и вас.

– Да к черту. После драки чего уж махать кулаками. Граф Пуатье мог легко нас взять в кольцо и убить – мы все видели сотню лучников, – продолжил де Лик. – Обвел нас вокруг пальца, как детей. А сам еще молод.

– Он старше, чем его батюшка в ту пору, когда вступил на престол.

Юлиан посмотрел на говорившего. Синьор де Гиньи смотрел хмуро. Он пил меньше других и уже успокоился. Горячка погони прошла. Шок от понимания того, что у их врага появился высокопоставленный покровитель, тоже. Им на смену пришло мрачное осознание того, что бороться за свои свободы и вольности можно начинать с начала. И дело придется иметь не просто с графиней, чей род идет от одного из братьев Людовика Святого, но с правящим королевским домом Капетингов, ибо Филипп явно дал понять, что Жанна, маленькая глупая Жанна, которую использовали Маргарита и Бланка и подвели под дело Нельской башни, прощена.

– Да что вы, ей-богу. У нас вечер памяти почившего короля? Это не к добру.

«О, да. Особенно, если учесть, что Филипп жив-здоров», – не без удовольствия подумал Юлиан. Он уже знал, как преподнести ему новости. Про то, что Франция оказалась на грани гражданской войны. Про то, что его сыночек решил затмить славу отца, а заодно предстать героем пред молодой принцессой Клеменцией – и двинул совершенно неподготовленное войско на Фландрию, не учел весенний разлив реки и вернулся восвояси, сотрясая пространство клятвами вернуться в будущем году. Про то, что все указы Филиппа, все его усилия, направленные на объединение гордых провинций, покатались коту под хвост – Людовик, не глядя, подмахнул нужные документы, возвращая им вольности. Те самые вольности, о которых столь пекутся эти недостойные синьоры Артуа, поднявшиеся против своего суверена, Маго Артуа.

– А вы, граф, – обратился к нему де Лик, – почему вы до сих пор здесь? Насколько я знаю, в Артуа у вас лишь маленькое поместье.

– Да, приданое жены, – уклончиво ответил Юлиан. – Но даже песчинка в море дорога. Графиня – царствие ей небесное – любила этот райский уголок.

Дворяне рассмеялись.

– Вы первый, кто называет хоть кусочек Артуа райским уголком.

– Я считаю, – мягко возразил Юлиан, – что любое место на земле можно превратить в Рай. Стоит только захотеть.

– Осторожнее, еще не потухли костры тамплиеров. Вас могут обвинить в ереси.

– Но здесь же я в кругу друзей? – с невинным видом спросил вампир, незаметно оценивая каждого из десятка собравшихся здесь мужчин.

Дворяне закивали. Поступило предложение налить еще, и Юлиана, которого теперь здесь знали под именем графа де Бательера, оставили в покое. Он готовился к тому, чтобы мягко исчезнуть, оставив зреть и вызревать ростки недовольства, буйства. Да, они не поднимутся боле против Маго и Филиппа Пуатье. Но их гнев легко обратить против Робера Артуа и Людовика Сварливого. И это пламя свечи сможет обжечь.

– Я помню все.

Доменик стоял у окна, глядя на раскинувшиеся просторы Сены.

– Пока не все, – отрезал Юлиан. – Твоя память будет восстанавливаться и крепнуть. Ты вспомнишь то, что Филипп забыл или захотел забыть. Каждого осужденного тобой. Каждую ошибку.

Доменик передернул плечами, но промолчал. Его старые привычки перетекли и в новую жизнь. Забавно было наблюдать, как он борется с самим собой и терпит сокрушительное поражение всякий раз. Ничего, он быстро учится. Справится и с этим. Юлиан с ужасом понимал, что уже не чувствует былой ненависти. Он подарил Железному Королю бессмертие. Из всех сил старался обратить дар в проклятие, но начинал понимать – не получится. Доменик, истерзанный, усталый, был сильнее, чем думал о себе сам. А вампиру оставалось наслаждаться редкими минутами боли, сокрушительными вспышками возвращающейся к бывшему королю.

Но и это не приносило радости. Он мстил тому, кто уничтожил великий орден храмовников. А вместо этого создал в будущем всемогущее бессмертное существо. Что скажет судья Амирхан, если узнает? Юлиан вздрогнул. Никто из Храма не должен об этом знать! И речь уже шла совсем не о Храмах, известных человечеству.

Доменик почувствовал, как изменилось состояние его создателя, но ничего не сказал. Он продолжал смотреть на Сену, почти ничего не чувствуя по тому поводу, что находился в покоях, где по приказу его сына задушили Маргариту Бургундскую. Маргариту, посаженную сюда по его, Филиппа, приказу. Да, было громкое дело. Но именно за королем осталось последнее слово. Бланка, жена Карла, младшего сына короля, еще была тут, но Юлиан не позволил бы увидеть молодую женщину. А Доменик и не горел желанием ее видеть.

– И что тебе с того?

Юлиан взглянул на него, удивленный вопросом.

– Мне нравится. Тишь и гладь Сены именно здесь, у подножия Шато-Гайара. Ты знаешь, король? Здесь смешиваются миры.

– Никогда бы не подумал, что ты способен строить из себя барда.

Юлиан улыбнулся, пересек помещение и в свою очередь посмотрел на ночную Сену.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Зато знаю все о шевалье...

– Которого на самом деле никогда не существовало. Ты мог знать обо мне и под другим именем.

Доменик обернулся.

– Каким же?

– Графа де Бательера.

– Слышал.

Такие короткие разговоры стали сопровождать их встречи все чаще с течением времени. Доменик свыкся с мучителем. Мучитель проникся жертвой. Он с ужасом понимал, что на самом деле их объединяет нечто большее, чем просто месть. Филипп – сама Франция. Франция, которую вампир в глубине души любил. В десятом веке он жил в Нормандии. Стал свидетелем того, как суровый северный край завоевали викинги. Потом примкнул к крестоносцам, принял участие во всех походах. Стал одним из тайных основателей ордена тамплиеров. Единственным доверенным лицом в нем Великого Судьи Амирхана. Он, вампир, который так и не смог доказать Великому Магистру Ордена Темной Змеи, объединившего в своих рядах всемогущих бессмертных существ, что достоин стать карателем – представителем истинной власти. Он нашел иной путь и начал служить одному из приближенных к Магистру.

Амирхан, заинтересовавшись политикой тамплиеров, в итоге взял на себя контроль над всеми финансовыми операциями. Он разработал банковскую систему тамплиеров, систему облигаций. И его фраза, оброненная в 1307 году будто бы между делом, определила судьбу Филиппа Красивого. «Как легко, оказывается, обычный человек, – сказал тогда каратель, – пусть даже и король, может сломать то, что создавали темные существа».

И правда. Кто бы мог подумать, что Филипп, этот Железный король со своей неумной энергией, со своей почти пугающей безошибочностью, сможет развалить такую организацию как тамплиеры? Да, он сорвал поросль, не добравшись до корней – и то лишь потому, что не знал об их существовании. Но он отбросил храмовников к тем временам, когда их с трудом можно было пересчитать по пальцам. Юлиан семь лет готовил план мести. Он подобрал момент. Он добился своего. И что? Вместо эйфории и злобного восторга, он чувствовал лишь опустошенность и удивление. Филипп не зря был назван Железным Королем. Да, он проиграл схватку с вампиром. Да, он обрел новую жизнь и новый мир. Но он остался собой.

И это невозможно было не уважать.

Юлиан не решился рассказать своему покровителю о том, что сделал, ограничившись лишь коротким «Я не смог спасти магистра де Моле, но смог за него отомстить». Амирхан на это не отреагировал.

– Ну, что дальше? Покажешь мне Бланку? Или расскажешь, как Сварливый рушит очередной столп моего правления?

Юлиан с задумчивым видом посмотрел на Доменика, будто решая, что ему ответить. Тот выглядел спокойным и отрешенным. То же выражение глаз. Кто бы мог подумать, что все метаморфозы обращения не смогут стереть это выражение глаз? Неподвижный, тяжелый взгляд, по которому теперь невозможно было прочесть мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.